

Юрий Романенко

*Санкт-Петербургский государственный университет, институт
философии*

***Живое зеркало и ученое незнание
(Vivum speculum et docta
ignorantia)***

Аннотация

Работа посвящена анализу существенных понятий в философии В.В. Библихина — «живое зеркало» и «ученое незнание» — представленных практически во всех его основных сочинениях и имеющих важное онтологическое, антропологическое и гносеологическое значение.

Ключевые слова

Библихин, живое зеркало, поэзия, природа, слово, ученое незнание, философия, человек

В начале 1998 г. в петербургском издательстве «Наука» мне предложили сделать служебную рецензию на готовящуюся в то время к публикации рукопись книги В.В. Биbihина «Узнай себя». Среди множества обрушивающихся на читателя тем одна мысль автора оставила особый отпечаток своей загадочностью и какой-то недосказанностью. Я имею в виду рассуждения В.В. Биbihина о «живом зеркале». О чем говорит это странное словосочетание, знакомое нам еще из сказочных сюжетов и мифов, но практически не звучащее в научном и философском дискурсе? Сделаю попытку разобраться с этим давним моим затруднением, начав с перечитывания тех мест текстов В.В. Биbihина, где оно так или иначе встречается.

Уже в самом начале книги «Узнай себя», ставя под вопрос задачу самопознания, автор констатировал его двусмысленность и опасность. Человек «уже смертельно устал от себя, которого везде видел все одного и того же и надоевшего, в зеркале...» (Биbihин 1998: 8). Но ведь самопознание подразумевает некое обращение на самого себя, которое невозможно без определенного предстоящего отражающего экрана, реального или воображаемого. Почему от обставившегося зеркалами самосознания возникает «смертельная усталость», и только ли она? Может быть, у кого-то это может вызвать, наоборот, прилив жизненной энергии, как, к примеру, у поэта Вяч. Ив. Иванова, «я» которого вновь обретает бытие, отразившись в «Я» Бога? Неясно. Речь, вероятно, заходит о каком-то особом опыте отношения с зеркалом, умертвляющем или оживляющем. Но В.В. Биbihин воздерживается: «Мы теперь не находим в себе и вокруг себя ничего похожего на такой опыт» (Биbihин 1998: 37).

Реликтовые излучения этого опыта еще можно найти в виде следов в старых традициях мифа, поэзии, литературы, философии. Возможно ли его возобновление? Так называемая идентификация (я есть я), как ее определяют нынешние психологи и антропологи, фактически является признанием своего отражения в зеркале самим собой. Смотрящийся в зеркало в акте личностного отождествления говорит себе: «Это я». А концепт идентификации в современном дискурсе имеет один из наибольших индексов применяемости. Такое понимание было всегда?

Античный призыв Бога к человеку «Узнай себя», начертанный у входа в храм, В.В. Биbihин соотносит, ссылаясь на Плутарха, с еще одной надписью в виде пятой буквы греческого алфавита Ε (εσι), сближая его с древней восточной фразой *tad tvam* (это ты). Человек находит себя в фокусе двух императивов: узнай себя > < это ты. Все, что видится в храме заинтригованному призывом «узнай себя», обращается к нему: «это ты». Оба призыва странным образом противоположны друг другу, почти до зеркальной противоположности. Настроившийся на познание себя, казалось бы, увлекается центростремительной силой внутри своей личности, и вроде уже почти до-

стигает собственного средоточия, но неожиданно обнаруживает себя отброшенным центробежной силой на периферию окружающих его вещей — это ты. Действительно странный опыт.

В.В. Бибихин пишет:

Бог надежды приватного индивида расстраивает [...] *Это ты* спутывает расчеты личности, стирает границу, внутри которой она хотела обособиться. Она пришла за поддержкой к Богу, он ее поправляет: *это ты*. *Это* здесь всякое, какое угодно, прежде всего сам Бог, к которому личность думает что пришла, а перед ней ее проекция, в которой ей надо прежде всего узнать себя. Потом, любой человек и любая вещь не другие, не совсем другие, *это ты*. Другой человек не дальше от тебя чем ты сам и никакая вещь не дальше. Это неожиданно (Бибихин 1998: 48–49).

Неожиданность здесь в том, что человек думал достичь самопознания своей волей, силой и разумом, но при этом не успел заметить, что на самом деле им двигали две зеркально противоположные друг другу безлические силы. Субъектом действия здесь оказывается не личность, а само это отношение «это ты» (непроизвольная тавтология). В.В. Бибихин отождествляет его с пониманием, трактуя последнее не в узко гносеологическом смысле в качестве субъективного метода познания, но, вслед за М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамером, онтологически как способ бытия человека. Человек, доходя до предела узнавания себя, задается вопросом: Я есть? Это я? Получая в ответ (откуда?): Нет, это не я, это ты. «Есть» и «нет» в подобном опыте чередуются с такой скоростью, которая находится за порогом человеческого восприятия?

Это отношение, понимание, в которое входит человек разумный, вместо усиления его ментальных функций, вводит его в «недоразумение» (вот парадокс!), оно отменяет «приватное Я, которое теперь не больше свое чем *ты* и чем всякое *это*. Кто тогда носитель отношения *это ты*? Само же оно. “Отношение первично”. Структура простого понимания держится сама на себе» (Бибихин 1998: 49).

Получается так, что данное отношение является самодействующим, самоорганизующимся и саморазвивающимся. Абсолютный релятивизм? Человек попадает в него как зерно между трущимися друг о друга мельничными жерновами. Оно действует как автомат (самодвижное в переводе с греческого). В книге «Лес» В.В. Бибихина (Бибихин 2011) автомат различается на два вида: искусственный неживой и естественный живой. Живое как таковое и есть автомат в последнем смысле этого слова.

Вместе с тем живой автомат понимания осуществляет свою самодвижность в зеркальном противодействии двух своих сторон. В этом, собственно говоря, и заключается его странность. В понима-

нии присутствует какое-то свойство зеркальности и одновременно свойство жизненности. Вспыхивает догадка и напрашивается устойчивое словосочетание — «живое зеркало»?

Необходимо проверить эту догадку, обратившись к опыту других. В.В. Биbihин находит попытки описания подобных мыслей, в частности у А. Шопенгауэра. Ученик И. Канта, утверждавшего непознаваемость «вещи-в-себе», соглашается с этой принципиальной непознаваемостью, но и указывает на исключительный случай. Как заметил В.В. Биbihин: «...Шопенгауэр объявляет: есть странный опыт, праздник, никем до меня не описанный, в котором это “в себе” открывается; одновременно тогда и я открываюсь себе и оказываюсь сам не я» (Биbihин 1998: 70). Эта мысль автора «Мира как воли и представления» истолковывается В.В. Биbihиным так: «Кто “внезапно” видит вещи как они есть “в себе”, становится “носителем” мира. Мир это не обязательно много вещей, к нему есть прямой переход и от одной вещи» (Биbihин 1998: 69). Подобная идея встречается и у Лейбница, согласно которому любая вещь в качестве монады является «живым зеркалом» Универсума, монады монад (Лейбниц 1982).

Кажется, что уже достигнуто преодоление кантовской непознаваемости «вещи-в-себе» в «праздничном» опыте заполнения Я по всему экрану зеркала мира. Достигнута полнота бытия? Наверное, но это одна сторона дела. Вторая, которая находится по ту сторону зеркала, но без которой нет и его самого, свидетельствует о другом. В.В. Биbihин продолжает цитировать из второго тома «Мира как воли и представления»:

...человек, который во всех существах узнает себя, свою самую интимную и истинную самость, должен и бесконечные страдания всего живущего рассматривать как свои и так взять на себя боль всего мира. Для него уже никакое страдание не чужое... Теперь он узнает целое, воспринимает его суть и находит, что все охвачено неостановимым уничтожением, пустым порывом, внутренним противоречием; видит, куда ни посмотрит, страдающее человечество и страдающее царство зверей и исчезающий куда-то мир. И все это теперь касается, задевает его так же, как эгоиста — только его собственная личность (Биbihин 1998: 84–85).

Так что же все-таки видится в этом странном зеркальном отношении «это ты»: бытие или небытие, праздник избытия или тризна по исчезнувшему миру? Для А. Шопенгауэра сострадание является не только этической, но прежде всего онтологической категорией. Жизнь — это сорадование и сострадание всего живого в миметическом зеркальном обращении друг на друга?

После вопросов к А. Шопенгауэру поиск В.В. Биbihина движется далее вглубь истории и находит еще один источник по задевающей

нас проблеме. Имеется в виду философия Лейбница, где открыто и конкретно звучит это странное выражение «живое зеркало», возведенное в ранг теологической, космологической и антропологической категории. В.В.Бибихин приводит лейбницево определение из 56 параграфа «Монадологии»: монада — «постоянное живое зеркало вселенной». Его комментарий по этому поводу: «Живое зеркало здесь не случайный образ, это у Лейбница термин Николая Кузанского» (Бибихин 1998: 120). Но термин ли это, или все же произвольная метафора, положенная Лейбницем в основание онтологии, а Кузанцем — в основании теологии?

Первый историко-философский прецедент, если угодно, концепта «живое зеркало» задал именно Николай Кузанский. Позволю себе ретранслировать важные цитаты, на которые ссылается и В.В. Бибихин. Подобное удвоенное цитирование позволяет увидеть, как сам В.В. Бибихин своим комментированием как бы встраивается в систему направленных друг на друга живых зеркал философской мысли.

Мне надо [...] перескочить через стену невидимого видения, за которой я смогу найти тебя, Господи. Но стена эта есть все и вместе ничто: ты, который предстаешь как бы всем и вместе ничем из всего, живешь внутри этой высокой стены. Никакой ум своей силой не может совершить скачок через нее. Иногда мне думается, что ты видишь в себе все, словно живое зеркало... (Кузанский 1979: 48).

Ум «обнаруживает все в себе самом словно в живущем интеллектуальной жизнью зеркале» (Кузанский 1979: 50). Зеркало истины Бог, все другие творения — разные более прямые или кривые зеркала и «интеллектуальные природы будут среди них живыми, более ясными и прямыми зеркалами» (О богосыновстве) (Бибихин 1998: 120–121). Из слов Николая Кузанского видно, что это удивительное зеркало не только живое, но и умное, стало быть, способное к познанию.

В первой из приведенных выше цитат обращает на себя внимание то, что Н. Кузанский оговаривает, так сказать, гносеологическое условие выхода к понятию «живого зеркала». Необходимо совершить трансцензус, скачок через некую «стену невидимого видения», которая есть «все и вместе ничто». Более того, сам Бог живет в этой стене, согласно невероятной интуиции Н. Кузанского. И если стена есть зеркало, то тогда невозможная задача заключается в том, чтобы войти в него. Здесь подразумевается еще один существенный концепт его философии — «ученое незнание» (*docta ignorantia*), в котором определяется исходное онтологическое различие бытия и небытия. О необходимой связи «живого зеркала» и «ученого незнания» еще будет сказано ниже. По Кузанскому получается, что знать Бога как живое зеркало можно только не зная, как это можно знать.

В книге «Язык философии» В.В. Бибихин уже предпринимал попытку онтологического истолкования этих идей.

У Николая Кузанского отношение между изображением в человеке и божественным прообразом не сходство, а тождество. Одинаковости среди сущего конечно не бывает. Никакие две вещи не повторяют друг друга. Тождественность может быть только в том, в чем она может быть: в тождестве самому себе; в истинности; в такости. Отображение воссоздает в прообразе *то самое*: не похожее и не отличное от себя, а свою истину; видит себя другого в смысле истинного, каким себя в себе не знает и никогда не могло бы узнать, не посмотрев на то другое, в чем узнает себя мыслящего. В этом узнавании божественное начало присутствует как то, без чего узнавания не было бы. Глядя на Бога, человек узнает себя как такого и узнает Бога по тому, что узнает себя (Бибихин 2007: 230).

Люди прикладывают большие силы, чтобы истинно знать как можно больше, вплоть до знания Бога, не подозревая, что не меньшие силы необходимо прилагать для того, чтобы уметь правильно не знать. Правая рука не знает, что делает левая? Если допустимо говорить о «живом зеркале», то можно ли сказать «больное зеркало» или «мертвое»?

В.В. Бибихин находит исторические свидетельства о реальном, будем надеяться, опыте живого зеркала в прошлом (поймал себя на мысли взять словосочетание в кавычки, но решил оставить так), предупреждая, что сейчас такой опыт не обнаруживается, а старое как-то забылось. Почему так случилось, по причине исторической девальвации, человеческой профанации или из-за физического повышения энтропии? Неясно.

Для В.В. Бибихина тема зеркала связана и незаметно переходит в не менее загадочную для него тему двойника или близнеца. Негативный опыт двойничества, доходящий до кошмарных видений, стал увеличиваться и накапливаться по мере увеличения количества промышленного производства искусственных зеркал. Этот опыт был подмечен и описан уже не средневековыми теологами и нововременными метафизиками, а писателями. В.В. Бибихин обращается к наблюдениям за двойниками у Гоголя и Достоевского. Майор Ковалев в гоголевском «Носе» и Голядкин из «Двойника» Достоевского входят в фантастический кошмарный полусон-полуявь, начиная с разглядывания своего зеркального отражения. Не ведая о предупреждающей поговорке: через зеркало самый короткий путь в ад.

Если для оптимиста Лейбница человек это тоже монада, следовательно, он есть живое зеркало Универсума и Бога, то у многих писателей XIX–XX вв. и рефлектирующих над их прозрениями философов человеческое отражение предъявило автоматически дей-

ствующего мертвеца. В.В. Биbihин комментирует эту новую ситуацию:

Человек контролирует себя зеркалом, хочет быть каким надо. Но с человеком случаются вещи *вдруг*, сами собой [...]. Слегка обеспокоенный майор Ковалев потребовал себе зеркала, чтобы узнать о прыщике, а оказалось что у него на лице нет носа. То *другое*, что стучалось в человеке ночью и от чего человек отмахивался, село ему прямо на лицо в виде вопиющей недостаточности лица. Нос, почти то же что сам человек, исчез (Биbihин 1998: 129).

Произошло шокирующее событие: человек захотел узнать, что он есть, обратившись к зеркалу, а там оказалось, что его там нет (как у Мопассана в новелле «Орля»). Быть может, в эпоху наступившего нигилизма, провозглашенного Ф. Ницше (не в малой степени инспирированного чтением Достоевского), магическое зеркало перестало показывать бытие и в нем разверзлась бездна ничто?

Существительное русского языка «зеркало» производно от глагола «зреть», «видеть», как и в случае с латинским *speculum* и греческим *katoptron*. Эффект зеркальности возникает в каком-то особом событии видения. Вернее сказать, какая-то специфическая интенсификация и концентрация видения доходит до идеи зеркальности как таковой, а затем эта идея может быть искусно воплощена в конкретном материальном предмете, который люди называют зеркалом. Субстантивация существительного порождается самодействием, выражаемым глаголом «видеть». Первый опыт встречи с зеркалом (еще до изобретения и производства искусственных зеркал) происходит в видении своего отражения в зрачке видящего тебя другого живого существа, на что в свое время обращал внимание еще Сократ: «...когда глаз смотрит в глаз и вглядывается в лучшую его часть — ту, которой глаз видит, — он видит самого себя» (Платон 1986). Необходимым условием такого события также является свет.

В.В. Биbihин производит разбор такого видения на материале лейбницевской монадологии. У монады по определению нет окон, то есть глаз, и, тем не менее, она способна видеть. Как? В.В. Биbihин поясняет:

Окна ей не нужны, потому что она, так сказать, даже не на собственном теле, а на всей себе знает, что осуществится ровно в той мере, в какой притянется к целому. Она живое зеркало, т. е. выбирающий глаз, который видит сначала целое и потом, в *интересах* целого (весь интерес, *inter-esse* между ее бытием и небытием, сосредоточен для монады в мире) и в его перспективе видит уже все что видит. Чей монада глаз? Опять же *целого* [...]. Через все монады целое мира смотрит на себя и видит в первую очередь опять же само себя. За миром стоит Бог. Бог смотрит на мир глазами всех монад... (Биbihин 1998: 144).

Существование живого зеркала временно? Нет, по Лейбницу это не так. Значит оно, если это именно оно, вечно живет? В.В. Биbihин задается таким вопросом: «Как это понять, что монада, живое зеркало, воспроизведение божественного представления, не возникла и не разрушится?» (Биbihин 2009б: 475).

Богослов Николай Кузанский рассуждал о живом зеркале осторожно и апофатически, с точки зрения ученого незнания. Метафизик Лейбниц, создатель философской доктрины оптимизма (возможно, хотя и не доказано, что оптимизм и оптика имеют единый корень), уже более уверенно оперирует концептом живого зеркала, пытаясь даже реконструировать его механизм, в котором этот мир кажется ему лучшим из возможных миров. В отличие от Лейбница, А. Шопенгауэр увидел в зеркале мира пессимистический пейзаж. Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и другие описали кошмарный опыт страдающего зеркального видения. А взгляд Ф. Ницше зафиксировал умершего Бога. Зеркало умерло, рассыпавшись в рукотворно растражированные искусственные осколки? Такова историческая панорама точек зрения на обсуждаемую проблему, которую В.В. Биbihин представил в первой части своей книги «Узнай себя». Далее он попытается обобщить имеющиеся подходы, истолковать и вывести из них некоторые онтологические и антропологические следствия.

Во второй части своей книги В.В. Биbihин указывает на три пространенные ошибки ума в процессе познания себя. Первая — «тупая гордость», вторая — «лукавая беспринципность», и третья, самая тонкая и наиболее трудно разоблачаемая. Если я правильно понял, она заключается в том, что ум доходит до спекулятивной (т. е. зеркальной) степени и уверяет себя в достигнутой истине. Зеркало человеческого ума предоставляет возможности бесконечной игры своих отражений. Как пишет В.В. Биbihин:

Волшебное зеркало играет и беседует с человеком, показывая ему жизнь и другие поразительные видения, разнообразие и богатство которых склоняет верить, что оно не волшебство и не обман. Тогда человек, отталкивая ближних, самозабвенно приникает к отражениям, ожидая, что их очарования хватит, чтобы безопасно провести по всему пути жизни... Волшебная гладь зеркальных отражений, какую привязанность ей посвящают и как надеются на ее утешение (Биbihин 1998: 233–234).

Живое зеркало Бога незаметно трансформировалось в волшебное зеркало в руках уверенного в своих силах и самодостаточного человека. Оно — самая коварная ошибка человеческого ума, по убеждению В.В. Биbihина, и ее нужно преодолеть. Но как? Разбить, удержаться от разглядываний? Грубым приемом не справиться с этим тонким механизмом. В.В. Биbihин пишет:

Разбивший зеркало, кажется, выпадает в пустоту. Отвернуться от него кто в силах? Не слабый блуждающий человек, которому так важно уверение, так хочется опоры, что он рад обмануться ради иллюзии истинного водительства. Это зеркало самозванных гностиков, людей, ведущих в тайниках сердца секреты с Богом (Бибихин 1998: 234).

Гностики претендуют на то, что знают свое знание, что имплицитно содержится в их самоименовании. Их зеркало волшебное, оно обладает автоматизмом, т. е. самодвижностью, но живой ли этот автомат? Разбить такое зеркало означает выпасть в пустоту, бессилие, беспомощность, то есть в амеханию, которую, как писал в других местах В.В. Бибихин, человек должен научиться претерпевать.

В.В. Бибихин подробно описывает симптомы и ставит неутешительный диагноз.

Несомненно возрастающая очевидность истин, которые показывает волшебное зеркало, околдовывает разум, разворачивает перед ним легкую добычу непреложных правд, но одновременно и обволакивает его глушью, которую внешняя речь только сгущает (Бибихин 1998: 235).

Суть данной ошибки ума состоит в том, что человек, может быть, и познает истину, только переполовиненную, значит, другая половина остается ложной, худшей от того, что она незамечаема. В таком состоянии, говорит В.В. Бибихин, «человек познает, но сам не познан» (Бибихин 1998: 237). Его знание имеет своей оборотной стороной его незнание. Но связь между ними отсутствует. «Единства нет» (Бибихин 1998: 237). Здесь мы снова, доказательством от противного, сталкиваемся со странным тождеством живого зеркала и ученого незнания. Может быть, зеркало служит не средством или инструментом знания, а, как раз наоборот, способом научить человека незнанию? Как сказал один остроумный человек: зеркало — это дыра в реальности.

В философской традиции зеркальное отражение называют рефлексией, являющейся принципиальным действием разума. Высший ее модус — рефлексию рефлексии — определяют как спекуляцию (букв. озеркаливание), трактуемую Гегелем в качестве предельной степени диалектического метода. Метафора зеркала имманентно присутствует в содержании категории знания, хотя это и пытаются оспорить.¹ Проблема заключается в том, обречен или может быть

---

¹ По этой теме можно порекомендовать существенную диссертационную работу О.А. Чулкова «Метафизические концепции зеркального отражения», где рассмотрены мифологические предпосылки, историко-философские, онтологические и гносеологические основания этой проблемы и собрана обширная библиография по данному вопросу (Чулков 2002).

освобожден от этого зеркала человек. В здешнем мире, по апостолу Павлу, человеческое видение обусловлено неким «гадательным зеркалом». «Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:12). Без зеркала, судя по всему, не обойтись. Но имеются ли критерии отличия живого зеркала Николая Кузанского от волшебного зеркала гностиков? В.В. Библихин по этому поводу пишет:

В блеске (рефлексии) совершенного (круглого) знания мы только и можем что-то видеть. Только ему вера отдается как достоверному. Но этот блеск всегда кажется нам далеким, труднодостижимым, чудным. Он одно, мы другое. Мы сами по себе, потому что он вечный, а мы здесь сейчас заняты злободневным, обязательным, нужным, непременным (Библихин 1998: 243–244).

Следующий фрагмент, к которому мы подошли, является определяющим и выражающим итоговое отношение В.В. Библихина к проблеме. Дело не в направленности субъективного видения и устройстве объективного отражающего экрана, а в том едином, что дает им сбыться. Единой основой, дающей жизнь зеркалу, является свет. В.В. Библихин предупреждает: «... нам всеми силами следовало бы желать не увидеть Бога, а быть увиденным Им. Быть не прячущимся искателем света, а просить всего света на себя» (Библихин 1998: 256). Речь заходит о Софии: «Как говорит Николай Кузанский, сама живая премудрость Божия, которая нам доступна в той малой мере, в какой мы вообще что-либо видим...» (Библихин 1998: 256). Обращение от завораживающего зеркала гностиков к живому зеркалу является именно обращением.

Обращение не бывает раз и навсегда, оно постоянно: это непрестанное повертывание от образа к образуемому. Свет, отовсюду охватывающий нас тогда и не оставляющий ни одной темной засады, на которой мы как хищные звери ловили бы свою добычу, — свидетельство увидения нас. Круг знания пройден в увидении того, что мы видимы, и это совершенное знание (совершенное потому что мы видим все, что вообще можно здесь увидеть) становится светом для веры (Библихин 1998: 256–257).

Свет и есть живое зеркало?

Можно ли заменить слово «зеркало» каким-нибудь другим?? Может быть, говоря о зеркале, мы имеем в виду что-то другое, прячущееся? Живое зеркало — не только метафора, но и эвфемизм? То, что называют живым зеркалом, является действующим агентом познания, способным знать или не знать свое знание или незнание. О чем загадка? О душе...

В.В. Библихин пишет: «Знать душа не знает, не хочет и не принимает ничего, везде ей неловко и страшно, чудовишно и непонятно — так? Значит она смотрит не туда, загляделась налево, а не направо...» (Библихин 1998: 337). Что такое душа — всегда было тайной. Как говорил Гераклит: «Границ души тебе не отыскать, по какому бы пути ты ни пошел: столь глубока ее мера» (45 DK). Стоит перед этой тайной души в недоумении и В.В. Библихин:

Вот почему, что было для меня до сих пор загадкой, она ни во что не всматривается, ничего не исследует и не изучает, раскрывается сама просто, как только находит возможным, и свертывается в тоске, когда тьма теснит ее. Удивительный образ действий (Библихин 1998: 337).

Очевидно, душе по ошибке приписывают функцию познания, или она способна к познанию без приложения усилий. «Раскрываясь, она без познания непостижимым образом начинает звучать и светиться, *угадывая* стоящие перед ней вещи, и даже отдаленные вещи, прошлое, и даже будущее» (Библихин 1998: 337).

Душа вроде бы зеркало, но и не зеркало. Точнее говоря, мы привыкли считать основным свойством зеркала отражение света, но душа может его пропускать, прозрачна для него. Если это и зеркало, то совмещающее исключаяющие друг друга способности — отражать и пропускать. В.В. Библихин высказывает свою догадку об этом:

Все вдруг отражается в ней — не как в зеркале, во-первых потому что она сама как бы изменяется и перестраивается под действием того, к чему прикоснулась, а во-вторых потому что отражается не в своем, часто темном и еще уродливом виде, а неожиданно, в измененном и преображенном, проясненном и украшенном (Библихин 1998: 337).

Это удивительный образ действия — одновременно отражать и пропускать, подстраиваться под оригинал и одновременно перестраивать его своим отражением. Но ведь это и есть принцип жизни. Душа — живое зеркало! Чего? Того, что ей ближе и дальше всего — тела. Итоговая догадка В.В. Библихина о душе:

Душа со своей темной и светлой, дневной и ночной стороной не нуждается в постоянном внешнем приводе: ей довольно одного толчка, чтобы внутри нее начался бесконечный ряд откликов и эхо. Да и без всякого толчка ее живые зеркала отражают друг друга (Библихин 1998: 393).

Ее функция — не сознание, которое есть прерогатива ума. В.В. Библихин был резким критиком амбиций и блефа сознания, по-

лагая, что сознание вытесняет и заменяет собой другую, первичную способность души, а именно совесть. Сознание и совесть — похожие по звучанию слова, но между ними разница. Определение В.В. Бибикина: «Совесть инстанция, сводящая, соведомляющая друг о друге разные состояния человека, заставляющая их (эти разные состояния) в человеке совещаться между собой» (Бибихин 1998: 488).

Проведя детальный и последовательный текстологический анализ книги «Узнай себя» по заданной проблеме, я попытался выразить нынешнюю меру своего понимания существа дела посильными комментирующими связками между цитатами. Загадка все равно осталась загадкой. Первый опыт чтения книги «Узнай себя» (еще неопубликованной рукописи) был пятнадцать лет тому назад. Изменилось ли что-нибудь за это время?

Судьба сложилась так, что 30 марта 1998 г., еще до выхода в свет «Узнай себя», В.В. Бибихин приехал в Санкт-Петербург и прочитал лекцию на философском факультете СПбГУ на тему «Живое и автомат», которая была частью его курса «Лес», читаемого тогда студентам философского факультета МГУ и впоследствии изданного уже посмертно в виде одноименной книги (Бибихин 2011). Я присутствовал на этой лекции и участвовал в кулуарном ее обсуждении на кафедре онтологии и теории познания. Дождавшись своей очереди, я попытался задать Владимиру Вениаминовичу вопросы, возникшие у меня перед этим в связи с прочитанной рукописью по поводу загадки живого зеркала.

Мое понимания в то время было еще сумбурнее, чем теперь, хотя возникли какие-то самозванные идеи, которыми я хотел поделиться с автором. Я хотел знать — что же такое живое зеркало? имеются ли какие-то другие источники по данной теме? можно ли еще дальше продвинуться в разрешении этой проблемы? Одновременно с этим я сбивчиво попытался высказать свою гипотезу об «устройстве» живого зеркала, взяв в качестве интерпретативного ключа идею так называемой «нетки», своеобразной зеркальной игрушки, описанной В. Набоковым в романе «Приглашение на казнь».² Владимир Вениаминович Бибихин терпеливо выслушал мои вопросы и неоформившиеся гипотезы, ответив коротко: «Я не знаю, что такое живое зеркало». Как так? Я-то надеялся из первых уст узнать о предпосылках проблемы, ждал этого, но получил отрицательный ответ. Хотя, наверное, это было справедливо: каков вопрос — таков и ответ. Чего еще нужно было ожидать? Как гласит пословица: один дурак может задать столько вопросов, что и сто мудрецов не смогут ответить. Но все равно, такую реакцию я воспринял как неожиданность,

---

² Позднее это предположение я попытался изложить в своей книге «Бытие и естество. Онтология и метафизика как типы философского знания» (Романенко 2003: 466–474, 502–512).

ведь говорил автор текста, в котором неоднократно упоминалось это выражение, и ответ звучал как выход из разговора. Автор приводил цитаты классиков о живом зеркале, истолковывая их, но на вопрос читателя, что же оно есть как таковое, отвечает: «Не знаю». Мне хватило деликатности молча отойти и откланяться. На этом небольшой эпизод моего общения с Владимиром Вениаминовичем завершился.

Не буду далее вдаваться в нюансы моих соображений. Позднее я понял, что отрицательный ответ — это тоже ответ. Так ребенок, получивший интересную игрушку, неосторожно пытается ее разобрать, чтобы подглядеть изнутри, как она функционирует, удивляясь запрету взрослого не делать этого. Иногда полезно получить урок незнания. Главное, что проблема захватила и осталась в ожидании своего прояснения. Каждую новую книгу В.В. Библихина я читал как новую возможность, отыскивая и обращая внимание на те места, где так или иначе всплывало выражение «живое зеркало». За эти пятнадцать лет появилось достаточно пищи для размышлений. Сделаю еще одну попытку разобраться с этой загадкой, обращаясь к другим сочинениям В.В. Библихина.

Одной из наиболее емких книг, в которой наша тема высветилась своими новыми гранями, стала «Грамматика поэзии» (Библихин 2009). Здесь живое зеркало отбросило свой отблеск уже не на проблему самопознания, а на проблему языка и слова. Попробуем отследить ее проявления.

Под грамматикой поэзии В.В. Библихин понимал, собственно говоря, саму философию. Поэзия первична, а философия есть ее имманентная рефлексия. Первым историческим опытом, задавшим образец поэтического творчества, по мнению В.В. Библихина, являются ведические гимны. Поэзия и философия имеют дело со словом, несущим свет. Совокупность таких слов составила корпус Ригведы. Ее основой, откуда выросли другие поэтические формы, стали гимны. В.В. Библихин обнаруживает существенную специфику жанра гимна в том, что в нем присутствует некая зеркальность. Он пишет:

Когда гимн обращается к самому себе и становится своим собственным смыслом, он, условно и грубо можно так сказать, раздваивается на гимн и Гимн — вот эти слова как они есть, и вот эти слова как Речь подносимая, жертвенная вещь. Славословие как дар богам. Воспевание вообще. Одно и то же слово работает дважды. Это метафора без метафоры или до метафоры [...]. Семантику этой поэзии можно назвать в хорошем смысле тавтологией, формально говоря объяснение ее невозможно, если уж она не *объяснила* себя сразу своим блеском сама (Библихин 2009а: 18–19).

Знание, получаемое без объяснений и доказательств, является

ученым незнанием.

Гимны Ригведы одновременно были первой формой молитвы. В них присутствуют зеркальные эффекты, и, как пишет В.В. Биbihин, происходит

постоянная смена аспекта, перевод взгляда, направленного то на призываемого бога, то на призывающего, поющего, возвращение, обращение на себя [...]. Формулы, обращенные к призываемому («приди») и обращенные на себя («я зову») оказываются равносильными [...]. Игра отражений продолжается (Биbihин 2009а: 22–23).

Гимн можно было бы назвать стереоакустическим, зеркальным пением. «Эти две стороны, я поющий и тот божественный, кто подхватывает мое пение, сливаются» (Биbihин 2009а: 27).

Это зеркальное удвоение в гимне снова выводит В.В. Биbihина на идентичный феномен двойничества. «Удвоение. Напрашивается мысль, что оно может быть понято в связи с темой двойника, близнеца» (Биbihин 2009а: 31). В событии гимна творится двойничество человека и бога. «О зеркальности бога и песни уже говорилось [...] о зеркальности человеческих и божественных певцов» (Биbihин 2009а: 42). В.В. Биbihин с какой-то радостью, перечитывая Ригведу, вновь и вновь обнаруживает явления зеркальности и близнецства. «Мед мне, и продолжается моя песня, но как в зеркале пьет и божественный жрец Варуна. Близнецство восстановлено [...] Опять зеркальность, красивая взаимность» (Биbihин 2009а: 53–54).

Видение, возникающее в пении и слушании гимнов, по наблюдению В.В. Биbihина есть «вглядывание как замороженное [смотрение], словно приближая глаза и растворяясь в предмете...» (Биbihин 2009а: 58). Это взгляд в зеркало, но особый взгляд и в особое зеркало. В этом событии не статика, а динамика, имеющая вращательный самообразующийся характер. В.В. Биbihин подчеркивает: «Зеркальность, ответственность доходит до того, что *певцы и боги грозы Маруты меняются местами*» (Биbihин 2009а: 62).

Самодвижность признается принципом жизни. Творцом жизни является бог Индра, которому посвящают жертву в виде гимна. «Он — постоянная самодвижная напряженность, вечный внутренний накал, острота, не терпящая притупления. Его можно понимать как начало всякого действия, события, истории» (Биbihин 2009а: 74). Задолго до Николая Кузанского и Лейбница, не употребляя выражение «живое зеркало» явно, ведийский гимн именует Индру именно так. «Зеркальность, ответственность в этой строфе строгая, вы видите: воссиянию Индры отвечает восхождение навстречу ему *прекрасной*, которая *тоже как заря*. Обычно это встречающая Индре песня» (Биbihин 2009а: 127). В.В. Биbihин признается: «Между прочим, эта зеркальность из самых захватывающих в Рич» (Биbihин 2009а: 127).

Эффект живого зеркала в гимне не случайный приводящий мо-

мент и не отдельный фрагмент. Его действие распространяется мгновенно по типу фрактального заполнения всего объема, как жизнь присутствует одинаково в каждой клетке организма. В.В. Биbihин пишет: «Это, возникновение двух равных как в зеркале, отклика, ответа, с такой отчетливостью пробивается в поле зрения, что сразу отдается в разных слоях стиха» (Биbihин 2009а: 128). Поэзия — форма онтологии, в ней «через зеркальность восстанавливается *все* бытие» (Биbihин 2009а: 131).

Динамика поэтического онтологического видения такова:

Два взгляда, сада (мира) и мой, встречаются. Взгляд видит взгляд — можно ли так сказать? Это должно значить, что он будет видеть и то, как он видит. Он будет тогда втянут в водоворот, в котором он и исчезнет, и устоит, как в бесконечном вращении шара мира каждая его точка перестает сходить со своего места. Взгляд исчезает, переставая отделяться от любимого взгляда. Такие я и ты, что ты это я (Биbihин 2009а: 276).

В.В. Биbihин предлагает свое определение гимна с точки зрения событийной онтологии:

Гимн предельный поступок, крайний подъем, торжественный момент истории с уверенностью в предельности этого события. Изменение-расширение принимается с радостью в смысле *harsh*, поющий вступает в себя, какого раньше, может быть, никогда не знал, и этого себя нового узнает как настоящего (Биbihин 2009а: 139).

Еще одно признание В.В. Биbihина. Он постоянно находит в Ригведе «зеркальность, собственно загадочную, она меня завораживает и я не могу до конца в нее взглянуться» (Биbihин 2009а: 163). Взгляд сориентирован на нее и находится в постоянном поиске, но удачные встречи с ней вызывают только удивление и недоумение. Она известна и не известна одновременно. Поэтому-то В.В. Биbihин, иногда доходя до подобных мест, как например, «наблюдающее неучастие двойника в самом себе» или «гераклитовское тождество смертных и бессмертных», признается, что это «разбирать сейчас просто не по силам» (Биbihин 2009а: 186). Это касается как темы зеркала, так и темы двойника, «которую я поднять сейчас тоже не могу» (Биbihин 2009а: 190). Но если понять и тем более разобрать это не по силам, то обращать внимание на это возможность есть всегда.

Мы снова от темы живого зеркала и универсального близнеца оказались переадресованы в тему ученого незнания. Здесь «идет речь о вещах, которые можно до самого решающего конца, до окончательной неудачи не знать и которые надо знать каким-то образом, потому что они не знают сами собой» (Биbihин 2009а: 221). Импе-

ратив — знать и не знать одновременно. Такое присуще не только поэзии, но и философии по существу. Сохраненная Платоном зеркальность в диалогах Сократа центрирована на его признании, гносеологической амехании, так сказать: я знаю, что ничего не знаю.

Сократовское ученое незнание имплицитно платоновскую диалектику единицы и двоицы. Двоица не редуцируется к единице, сохраняя свою странную, загадочную самостоятельность. Отношение к ней В.В. Биbihин выражает так:

Двое никогда не станут одним. Евангелие двойника, близнеца, Фомы, где ставится такая цель, не было канонизировано. Это не значит, что мы должны оставить нашего двойника, нашего нищего как он есть. Тем, что мы о нем помним, мы уже что-то меняем (Биbihин 2009а: 229).

Признание своего незнания — не есть выпадение в пассивность. Напротив, это особая форма активности. В.В. Биbihин в этом категоричен: «Я претендую на то, что это и есть предел человеческого знания — честно и решительно *не знать* формулы отношения слова и дела, *не знать*, где событие...» (Биbihин 2009а: 372). Теперь становится более понятным смысл того отрицательного ответа, который я услышал из уст В.В. Биbihина, на мой вопрос о сущности живого зеркала.

Завершается «Грамматика поэзии» последним вопросом: «Мы двойники, близнецы с — Богом?» (Биbihин 2009а: 232). Кого призывают к ответу?

Следующим большим тематическим пластом, в котором проявляется феномен живого зеркала и к которому обращается В.В. Биbihин, является проблематика материи, природы и космоса вообще. Он посвящает этому книгу «Лес» (Биbihин 2011). Пройдем еще раз с тем же интересом по новому пути за тем же проводником, сквозь Лес. Это книга о загадке материи, которой внутренне присуща жизнь, о живом как таковом. Материя, как и рассмотренные выше знание и слово, тоже живое зеркало?

Зеркальность природного представлена пронизывающим ее «сквозным мимесисом», где не определить, что первично-вторично (Биbihин 2011: 396). В космосе все подражает всему. Настолько, что уже не определить, обезьяна ли подражает человеку или наоборот. Мимесис есть синоним зеркальности. Мир человека и мир природы являются взаимными зеркальными отражениями. В.В. Биbihин пишет:

...мир вывернут, он оглядывается на себя, выставляет сам себя напоказ. Природе как бы нужно так вывернуть себя, повториться, проявиться в разыгрывании порядка человеческого мира [...] после всего богатства живого мира обезьяне осталось уже только подражать, она

как откат, движение обратное, зеркало, которое вселенная подставила себе. Тем более человек такое зеркало (Бибихин 2011: 214–215).

Переходим к универсальным философским категориям. Отношение материи и идеи тоже взаимно зеркально. Хотя их отличие равносильно отличию бытия и небытия. В.В. Бибихин пишет:

Материя тянется к полноте, к эйдосу. Тянется настолько, что сама, глядя заранее на целое, от себя дала все части, которые нужны, чтобы целое было. Т. е. целое уже и есть. Но его нет. Оно есть. Его нет. Это интересно, *весь* интерес здесь. Есть и нет, бытие и небытие в одном и том же (Бибихин 2011: 171).

Чередование бытия и небытия, вызывающее чередование знания и незнания и сливающееся в двуедином ученом незнании. С онтологической точки зрения по этому поводу можно выразиться так: сущее существует как одно. Но если возможно удвоение сущего, то оно одновременно существует и не существует. Двоица как живое зеркало, это бытие и небытие в одном.

Живое зеркало не является только метафорическим концептом спекулятивной философии. (Собственно говоря, двоица может быть выражена только метафорой, являющейся «переносом» единого смысла от одного момента к другому, в отличие от однозначного термина, определяющего единичное сущее.) Осторожно к этому приближается и наука о природе, стремясь быть строгой и основываясь на реальных фактах. Например, так называемый антропный принцип в космологии пока без доказательства, в качестве допущения говорит об этом. В свете этого принципа, пишет В.В. Бибихин, вселенная «устроена так, что в ее смысл и замысел входит обратная связь, вглядывание в саму себя» (Бибихин 2011: 211).

Природа/материя — это, по В.В. Бибихину, живой автомат (читай: живое зеркало), обращающееся в себя самодвижение жизни. Доходящее до этой идеи современное естествознание воспроизводит прошлые философские интуиции и спекуляции. В.В. Бибихин сопоставляет нынешнюю науку и лейбницевскую метафизику, и там и там «автомат в автомате, и до мельчайших подробностей внутрь автомат на автомате, интегрированы в машину мира, которая тоже не имеет себе часовщика извне, а так что он *внутри*» (Бибихин 2011: 295).

Загадка живой материи, которая зачаровывает В.В. Бибихина, состоит в ее самопорождаемости. Ярким примером тому является биологический феномен близнецства. В.В. Бибихин пишет:

Настоящие близнецы, которые рождаются абсолютно похожими друг на друга, возникают от деления одной клетки внутри утробы

надвое. Природа в этих случаях, правда редких и без которых человечество могло бы обойтись, вдруг показывает, что она могла, умеет обеспечить прямое, простейшее размножение (Бибихин 2011: 334).

Но эта тема почти табу для В.В. Бибихина. В «Лесе» он снова признается: «нас задевала своим крылом тема двойника, для меня такая центральная, что я до сих пор так и не решаюсь развернуть ее на людях [...] эта тема тоже как будто кратко обжигает, и проносится мимо» (Бибихин 2011: 40). Неподъемная трудность для человека здесь в том, что «человек сам себе неприступен как двойник. И вот непохоже на то, что загадка двойника так и должна остаться загадкой, словно она его не касается» (Бибихин 2011: 329).

Касается, и еще как, поэтому В.В. Бибихин рискует все-таки вынести на люди эту обжигающую тему:

...круг вещей, к которым мы по-разному подходили, тема *другого*, друга, другого я или второго я, двойника и близнеца, и сновидения, как этот круг ни трудный, но он *близкий*, это все слишком близко и ближе чем хватает прагматизм. И Бога мы будем искать, если вообще будем, тоже близко, в той близости, когда он нам близнец, и думая о Гераклите, о его тождестве людей и богов, между которыми разница только в смертности и бессмертности. Что такое бог. Это сам человек, тот же человек, не который стал благодаря медицине бессмертным, а который и есть он же сам себе другой (Бибихин 2011: 329).

Оказывается, что все — и Бог, и мир, и человек, и язык, и природа, а также история и культура отмечены свойством живой зеркальности и близнечества. Что еще не перечислено? Мудрость, мысль, философия — само собой разумеется. «Философия зеркало, в котором мы не хотим узнавать себя. Мы делегируем ей то, что на самом деле наше» (Бибихин 2007: 105). И, конечно же, слово — «слово слышит [...] как живое эхо» (Бибихин 2009б: 455). Кто может догадываться и замечать вездеприсущность этих феноменов во всем? Тот, кто сам есть живое зеркало и близнец всему? Знаем ли мы это или не знаем?

Если рассмотреть историю философии в таком свете, то она начинает представляться не как точечная последовательность отдельных персонажей, а как континуум близнечных пар. Такая стереоскопическая история философии еще не написана. Но внимательному взгляду В.В. Бибихина видятся такие пары: Парменид и Гераклит («комментатором — лучшим — к Пармениду выступает его *alter ego*, Гераклит» (Бибихин 2009б: 352)); М. Хайдеггер и А.Ф. Лосев («может ли быть, чтобы русский мыслитель Лосев был близок к Хайдеггеру [...] *не может быть*, чтобы два таких философа, как двойня, не думали об одном?» (Бибихин 2010б: 260)); С. Кьеркегор и Н.В. Гоголь

(«Кьеркегор и Гоголь в стольких заметных чертах близнецы, что я не буду даже перечислять все соединяющее их чтобы не отнять у других удовольствие первооткрывателя» (Бибихин 2010а: 265)). Видится ли в этом двумерном континууме парных звезд сам В.В. Бибихин? Вместе с В.В. Розановым?

В философии XX в. проблема концепта «зеркала» рассматривалась с разных точек зрения. Достаточно вспомнить «зеркальную стадию» детской идентификации Ж. Лакана, «зеркальную игру мировой четверицы» М. Хайдеггера, эпистемологическую критику метафоры «зеркало природы» у Р. Рорти и др. Что-то свое в этой проблеме, как мы можем догадаться, увидел и В.В. Бибихин. Но что именно?

Что мы приобрели от проделанных трудов? Какую собственность имеем? Какое имущество получили от В.В. Бибихина, в результате ли дарения или эквивалентного обмена? Проблеме собственности он посвятил целую книгу. В ней ставится вопрос, в том числе о собственности человека, который, вроде бы, владеет многим. Но все эти многие имущества со временем куда-то исчезают. Что останется неотъемлемой собственностью человека? Ответ В.В. Бибихина: «спасительное знание незнания, амехания, невведение в действие механизмов, осторожная вдумчивая сдержанность, смиренное внимание» (Бибихин 2012: 190).

Тогда остается спросить у В.В. Бибихина: как можно приобрести это живое незнание? А в ответ получить, наверное, такой ответ:

*Опять не знаю! Знаю только совсем определенно, что это проваливание в знание *своего* незнания мне нужно, спасительно, ничего лучше и дороже для меня не будет этого проваливания, и никогда, никогда я не хотел бы поменять это нескончаемое вымеривание своего бесконечного незнания на «теорию», «убеждение», «мировоззрение»; никогда не захочу потерять эту опору, это единственно надежное основание. Да, господа, самое точное, предельное, последнее знание в том, о чем мы говорим, это знание нашего незнания... (Бибихин 2012: 210).*

А я-то переживал, когда в свое время получил на мой вопрос от В.В. Бибихина ответ: «Не знаю». Теперь понятно, что это был подарок. Отправление недоучившегося обратно в школу Сократа —

...это школа школы, она вводит только в саму себя, учит незнанию, это школа или наука незнания, круглого, так сказать. Оно безусловно, оно удел человека, дальше этого незнания человек никуда не пойдет и не должен. Все. Круг замкнулся. Ничего по-честному тут не сделаешь. О главном человек просто *не знает*. Война начинается у самого человека сначала с самим же собой от *раздражения* на безысходность этого незнания (Бибихин 2012: 214).

Быть может, адекватным поэтическим описанием подобного *раздражения* является стихотворение Владислава Ходасевича «Перед зеркалом»: «Я, я, я! Что за дикое слово! / Неужели вон тот — это я? / Разве мама любила такого, / Желто-серого, полуседого / И всезнающего, как змея?..» (Ходасевич 1989: 174). Зеркало, давая шанс для идентификации знающей себя личности, обладает и способностью ее разрушения. Всезнание, однажды возникнув в зеркальном экране, в нем же и растворяется. «...да, меня не пантера прыжками / На парижский чердак загнала. / И Вергилия нет за плечами, — / Только есть одиночество — в раме / Говорящего правду стекла» (Ходасевич 1989: 174).

Библиография

- Бибихин, Владимир (1998). *Узнай себя*. СПб.: Наука.
- Бибихин, Владимир (2007). *Язык философии*. СПб.: Наука.
- Бибихин, Владимир (2009а). *Грамматика поэзии. Новое русское слово*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Бибихин, Владимир (2009б). *Чтение философии*. СПб.: Наука.
- Бибихин, Владимир (2010а). *Слово и событие. Писатель и литература*. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
- Бибихин, Владимир (2010б). *Энергия*. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы.
- Бибихин, Владимир (2011). *Лес*. СПб.: Наука.
- Бибихин, Владимир (2012). *Собственность. Философия своего*. СПб.: Наука.
- Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1982). Монадология. В кн.: Лейбниц, Готфрид Вильгельм, *Сочинения*, в 4 т, т. 1. М.: Мысль.
- Николай Кузанский, (1979). *Сочинения*, в 2 т. М.: Мысль.
- Платон (1986). *Диалоги*. М.: Мысль.
- Романенко, Юрий (2003). *Бытие и естество. Онтология и метафизика как типы философского знания*. СПб.: Алетейя.
- Лебедев, Андрей, сост. (1989). *Фрагменты ранних греческих философов*, ч. I. М.: Наука.
- Ходасевич, Владислав (1989). *Стихотворения*. Л.: Советский писатель.
- Чулков, Олег (2002). *Метафизические концепции зеркального отражения*. Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук. СПб.